

ФГНУ «Психологический институт»
Российской академии образования
Секция «Экологическая психология»
Российского психологического общества

6-я РОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Тезисы

**25-26 октября
2012 года
Москва**

Конференция проведена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-06-14284 г.)

6-ая Российская конференция по экологической психологии. Тезисы. (Москва, 25-26 октября 2012 г.) /
Научн. ред. М.О Мдивани. М.: ФГНУ «Психологический институт» РАО, 2012. – 460 с.

В сборнике представлены тезисы участников 6-й Российской конференции по экологической психологии, традиционно проводимой Лабораторией экопсихологии развития ФГНУ «Психологический институт» РАО при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Цель конференции заключалась в обсуждении актуальных проблем экологической психологии в самом широком ее понимании. В отличие от предыдущих конференций к публикации приняты тезисы, характеризующие креативные и другие особенности педагога как одного из важнейших субъектов образовательной среды. Кроме того, включены тезисы, в которых обсуждаются понятия, имеющие значение для представления и понимания взаимодействий в системе «человек – окружающая среда»: информация, духовность и т.п. К участию в конференции представлены 173 тезисов.

Тезисы публикуются в алфавитном порядке.

The publication contains abstract members of the 6th Russian Conference on ecological Psychology, traditionally performed by a laboratory of ecopsychology Federal State Scientific Entity "Psychological Institute" RAE. The conference is supported by the Russian Humanitarian Foundation. The purpose of the conference - to discuss topical issues of ecological psychology in the broadest sense. Unlike previous conferences, the collection contains abstracts describing the creative and other features of the teacher as one of the most important subjects of the educational environment. The collection includes the abstracts that discuss concepts that are important for understanding the interactions in the system "human - environment": information, spirituality, etc. The conference presented 173 abstracts. Abstracts are published in alphabetical order.

Тезисы публикуются в авторской редакции

ISBN 978-5-905987-06-9

© Коллектив авторов, 2012 г.

Также достоверные различия были получены по всем параметрам, изучающих агрессивность среды. В их микрорайоне меньше многоэтажных зданий с большим числом повторяющихся элементов (окна, балконы и т.д.) (3,6 и 5,4), меньше панельных зданий, собранных из отдельных блоков (3,5 и 4,5).

Обнаружено, что в микрорайонах проживания респондентов из малоэтажных домов, достоверно меньшее количество парковочных мест (4,0 и 4,6), и менее удачное размещение парковок (3,4 и 4,0) ($p \leq 0,5$).

В их микрорайонах достоверно меньше спортклубов (4,9 и 5,5) ($p \leq 0,01$) и кинотеатров (4,2 и 4,9) ($p \leq 0,05$).

Несмотря на то, что в целом респонденты из малоэтажных домов удовлетворены пространством своего микрорайона, их удовлетворенность значимо ниже, чем у жителей высотных домов (5,0 и 5,4).

Уровень микрорайона – социальный аспект. Несмотря на общий низкий уровень собственной активности и участия в жизни микрорайона, респонденты из малоэтажных домов достоверно более часто участвуют в субботниках (2,7 и 2,1), посещают культурно-массовые мероприятия на территории своего микрорайона (2,6 и 2,2).

Достоверные различия выявлены по параметру «безопасность социальной среды»: респонденты группы 1 чувствуют себя менее безопасно на территории своего микрорайона в темное время суток (3,9 и 4,4) ($p \leq 0,05$). Кроме того, в своем микрорайоне они в большей степени испытывают краудинг из-за большого числа людей вокруг. Данный результат, с нашей точки зрения очень интересен. На основании корреляционного анализа ранее было выявлено, что пространственный краудинг выше у лиц, проживающих на более высоких этажах. Однако, социальный краудинг выше у проживающих в малоэтажных домах. Речь здесь идет о том, что чувство нехватки пространства может быть вызвано не только пространством, но и высокой плотностью населения, чувством раздражения из-за переполненности микрорайона большим количеством людей.

Просоциальное поведение в микрорайоне у проживающих в малоэтажных домах выше на уровне тенденций (4,2 и 3,9).

Уровень города – пространственный аспект. Различия не выявлены. Респонденты обеих групп привязаны к пространству города (5,6 и 5,4).

Уровень города – социальный аспект. Жители малоэтажных домов достоверно чаще чувствуют усталость из-за высокого темпа их жизни (4,5 и 3,9).

На уровне тенденций они чаще испытывают чувство нехватки пространства (3,8 и 3,2), возникает чувство слишком большого числа людей вокруг (4,7 и 4,3).

На уровне тенденций они более привязаны к образу жизни города в целом (4,6 и 4,3).

Достоверно более активно участвуют в жизни города, приходя на выборы (4,3 и 3,5) ($p \leq 0,01$).

У них достоверно более развито помогающее поведение. Они в большей степени готовы прийти на помощь жителям Санкт-Петербурга в случае необходимости (4,3 и 3,6) и указывают на то, что незнакомые жители города чаще оказывали помощь (4,7 и 4,2).

Подведем некоторые итоги.

На основании проведения анализа, можно сказать, что высота этажа дома проживания оказывает влияние на удовлетворенность жилой средой жителей Санкт-Петербурга. Обнаруженные нами тенденции свидетельствуют о том, что высотность этажа проживания, с одной стороны оказывает как бы положительное влияние на человека, его удовлетворенность на уровне жилища растет. Действительно, здесь есть свои плюсы. Высотные дома – это чаще всего новые дома, с объективно новым техническим оснащением. На более высоких этажах менее могут беспокоить запахи, менее слышны звуки улицы – шум транспорта, утренних мусорных машин, вечерних тусовок молодежи и просто прохожих.

Но, с другой стороны, нельзя не обратить внимание на некоторую «оторванность» проживающих на высоких этажах от окружающего пространства. Человек как-бы замыкается в своем жилище, отгораживаясь от «большого мира». Значимо снижается привязанность к дому своего проживания, району и городу, социальная активность и помогающее поведение. Человек оказывается как бы исключенным из социальных связей даже на уровне дома! Выражение «мой дом – моя крепость» трансформируется в «мое жилище – моя крепость» и в условиях мегаполиса приобретает новое значение.

ФОРМИРОВАНИЕ НРАВСТВЕННОГО ПРЕДПОЧТЕНИЯ «СВОЕГО»/«ЧУЖОГО» У ДЕТЕЙ 3-11 ЛЕТ*

Созинова И.М. Знаменская И.И. Александров Ю.И. (Москва)

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект №12-36-01392-а2) и Совета по грантам Президента РФ для поддержки ведущих научных школ РФ (проект № НШ- 3010.2012.6.).

Введение

В современном обществе феномен разделения окружающего мира на «своих» и «чужих» связан с появлением таких острых проблем, касающихся в том числе и духовно-нравственной сферы человеческого сообщества, как расизм и терроризм.

Хотя негативные проявления по отношению к лицам других рас жестко критикуются и табуируются в современном мире, все же остается много случаев насилия с выраженными расистскими мотивами. Кроме того, существует целый ряд работ, доказывающих наличие бессознательных расистских проявлений (см., например, Olsson et. al, 2005, Phelps et. al, 2000), даже у индивидов, проявляющих толерантность на сознательном уровне. Этот феномен наблюдался как у белых людей, так и у чернокожих. При этом современными исследователями отмечается, что люди часто встречаются с ситуациями расистского проявления, но не оказывают никакого противодействия (Smith, Mackie, 2009).

Кроме проблемы расизма в современном мире широко обсуждается и исследуется проблема терроризма, в которой также немаловажную роль играет разделение людей на «своих» и тех, в отношении которых возможно нарушение нравственности, например, уничтожение детей. Российские респонденты, живущие в Москве и Саранске, считают, что по отношению к мусульманским террористам следует применять более жесткие меры наказания, чем фиксированные в законодательстве. В отличие от респондентов, живущих в Казани, где в состав населения входит больше мусульман. Казанцы также считают, что методы борьбы, разрешенные законодательством недостаточно жесткие, однако более позитивно оценивают террористов. Возможно, здесь проявляется феномен предпочтения «своих» по отношению к «чужим», а также сыграли роль большие знания казанцев в области мусульманской культуры. Автор считает, что это позволяет поставить себя на место другого, лучше понять его мотивы поведения (Знаков, 2012). Таким образом, оценка даже в целом осуждаемого действия может быть смягчена, если оцениваются «свои».

С нашей точки зрения, нравственность как личностная характеристика формируется при взаимодействии с моралью сообщества и является характеристикой субъективного опыта. Развитие системных структур, как индивидуального опыта, так и культуры, связано с нарастанием системной дифференциации. Наиболее древние системы, характеристиками которых являются эмоции (в случае индивидуального опыта) или мораль (в случае культуры), обеспечивают минимальный уровень дифференциации: хорошо/разрешено, плохо/запрещено. Минимальный уровень дифференциации означает, что данное деление образует «направляющие» для всей системной структуры, формирующейся на протяжении развития индивида и культуры (Александров, 2008; Александров и др., 2010).

Формирование систем у индивида происходит в процессе системогенеза, который одновременно является фиксацией онтогенетического этапа. При этом вновь сформированные системы не замещают «ранние» системы, а «наслаиваются» на них. Реализация поведенческого акта происходит путем актуализации систем разного возраста. Таким образом, структура индивидуального опыта фиксирует в себе этапы формирования поведения, и является организацией систем разного возраста.

С данных позиций реализация поведения, в том числе «нравственного» (например, решение моральных дилемм), обеспечивается актуализацией как новых систем, так и древних. Мы предполагаем, что развитие структуры опыта, делающей возможным нравственное предпочтение «чужого» при его столкновении с «чужим», разворачивается от формирования наиболее древних фило- и онтогенетически систем (в любом случае помогать представителю «своего» вида как наиболее выгодная стратегия «выживания» «своих» генов), к более поздно формируемым (помощь «чужому», другому виду, понимание ценности жизни как таковой). Проверка данного предположения, как мы полагаем, может иметь значение не только для развития представлений о формировании нравственности и эволюционных предпосылках этого процесса, но и для лучшего понимания природы терроризма, расизма и межвидовых отношений.

Методика

В исследовании принимали участие 98 детей в возрасте от 3,3 до 11,2 лет. Значение медианы по возрасту составило 7,4. Среди испытуемых было 51 мальчик и 47 девочек (52%; 48%).

Для сравнения выраженности исследуемых характеристик (ответов на дилеммы, оценок поступка «агрессора», изменений ответов) все участники исследования были разделены на четыре группы контраста: 3 – 4 года, 5 – 6 лет, 7 – 9 лет, 10 – 11 лет. Данное разделение было сделано в соответствие с данными литературы о том, что нравственное развитие, а именно усвоение правил и норм завершается в 10 лет, в этом возрасте также происходит переход на стадию сотрудничества. Также нравственное развитие сопряжено с эгоцентрическим мышлением ребенка. Данная стадия развития мышления завершается к 7 годам (Пиаже, 2006). Сергиенко Е.А. и др. (2009) считает, что именно этот процесс является переломным в социализации ребенка (формировании норм и правил при взаимодействии с культурой своего сообщества). Кроме того в этом же возрасте ребенок начинает четко различать моральные и конвенциональные правила (Smetana, 1993), связанные с низко- и высокодифференцированными элементами культуры.

Для проведения исследования нами были разработаны дилеммы типа «свой»/ «чужой», персонажи которых конфликтовали из-за ресурса. «Чужому» этот ресурс был жизненно необходим, а «своему» нужен для личной выгоды. «Свои» и «чужие» были разделены по видовому признаку. В качестве «чужих» выступали животные (дикие, домашние) и инопланетяне (более подробное описание методики см. Созинова, 2011; Знаменская, 2011; Знаменская, 2012). Также предлагалась контрольная дилемма «Человек»: конфликт разворачивается между «своими».

Исследование проводилось в ходе индивидуального структурированного интервью. Вначале происходило знакомство с испытуемым, после чего ему были предъявлены 4 дилеммы, в конце каждой предъявлялся вопрос типа: «На чью сторону ты бы стал?». Также после каждой дилеммы испытуемому задавался вопрос: «Почему ты решил именно так?», и вопрос о том, как бы он оценил поступок «нападающего» персонажа («агрессора»). Оценка проходила с помощью 5-балльной шкалы изображенной с помощью ряда из смайликов. Понимание инструкций контролировалось.

Полученные ответы испытуемых были разделены на две категории: за «своих» (выбор совершен в пользу своего вида), за «чужих» (выбор – в пользу другого вида). Вычислялся индекс «защиты»: усредненный балл ответов на дилеммы (1 балл зачислялся за предпочтение персонажа, жизненно нуждающегося в ресурсе; 0 баллов - за обратный ответ). Исследования протоколировалось письменно, также интервью записывалось на диктофон.

Результаты: В результате анализа ответов на дилеммы был обнаружен возрастной тренд. Более старшие достоверно чаще, чем младшие поддерживали «чужих» (точный критерий Фишера двухсторонний, $p < 0,05$ при сравнении групп 3-4 года/ 7-9 лет для всех дилемм, кроме дилеммы «Инопланетяне», а также при сравнении групп 7-9/ 10-11 лет для всех дилемм). Отдельно был проведен анализ распределения ответов на дилемму «Человек». Различия были обнаружены между группами 3-4 года и 7-9 лет (точный критерий Фишера, $p < 0,05$). В результате частотного анализа не было обнаружено возрастного тренда как в дилеммах с участием представителей других видов в качестве «жертв».

Обнаружена достоверная связь между данными усредненными оценками поступка «агрессора» и усредненными ответами на дилеммы ($S_R = -0,49$, $p = 0,1 \times 10^{-6}$) для всей выборки, а также для всех возрастных групп, кроме группы 3-4 года ($S_R = -0,48$, $p = 0,02$; $S_R = -0,47$, $p = 0,002$; $S_R = -0,63$, $p = 0,09$ для групп 5-6 лет, 7-9 лет, 10-11 лет соответственно). Это означает, что оценка поступка «агрессора» связана с тем, на чью сторону встал ребенок, решая дилемму.

С помощью двухстороннего критерия Манна-Уитни мы сопоставили распределения изменений ответов после просьбы объяснить свой выбор всех возрастных групп попарно. Для этого проводилось усреднение количества изменений ответов для каждого испытуемого. В результате достоверные различия были обнаружены при сравнении групп: 3-4 года/ 7-9 лет; 5-6 лет/ 7-9 лет; 7-9 лет/ 10-11 лет ($p = 0,003$; $0,001$; $0,001$ соответственно). В остальных случаях достоверных отличий обнаружено не было. Эти данные демонстрируют, что дети 7-9 лет, в целом чаще изменяют свой ответ после просьбы экспериментатора объяснить свое решение.

Обсуждение: В результате сравнения ответов на дилеммы типа «свой/чужой» разных возрастных групп были получены достоверные различия для всех дилемм. В результате частотного анализа мы выявили характер распределения ответов разных возрастных групп для каждой дилеммы. Общая конфигурация гистограмм ответов для дилемм с участием других видов (животные, инопланетяне) одинакова: наблюдается своеобразный возрастной тренд – старшие дети достоверно чаще принимают сторону «чужого», чем младшие. Причем, если в дилеммах «Собаки» и «Белки» (животные) учащение ответов в пользу «чужого» наблюдается уже в раннем возрасте, то в дилемме «Инопланетяне» это происходит более плавно, и переход «на сторону чужого» происходит только в старших возрастных группах. Отдельно отметим, что в контрольной дилемме «Человек», где конфликт разворачивается между представителями «своего» вида, не наблюдается возрастного тренда в отличие от дилемм, где конфликт разворачивается между «своим» и «чужим». Таким образом, данный возрастной тренд характеризует именно развитие предпочтения «своего» или «чужого», а не только «жертвы» или «агрессора».

Кроме того, полученный нами возрастной тренд, свидетельствуя в пользу нашего предположения, указывает на наличие характерных черт социализации детей в культурной среде. При взаимодействии с моралью общества формируется нравственность как специфическая характеристика субъективного опыта: от формирования наиболее древних систем, актуализация которых лежит в основе поведения безусловной помощи «своим», к более поздно формируемому поведению, связанному с пониманием ценности жизни любого, в том числе и «чужого» индивида. Таким образом, если младшие дети чаще встают на сторону «своего», придерживаясь наиболее древних эволюционных принципов помощи своим (Fehr et. al., 2008), то старшие дети уже придерживаются норм морали, вероятно, сформированных на более поздних этапах развития культуры, и в соответствии с этими нормами принимают ценность жизни как таковой, могут встать на точку зрения другого и понять, что бывают ситуации, когда «чужому» может быть нужнее помощь, чем «своему». Возможно, формирование такого отношения к «чужому» на более поздних этапах онтогенеза

обуславливается возрастом межгрупповых взаимодействий, числа и гетерогенности членов формальных и стихийных групп в современном обществе.

В результате частотного анализа мы обнаружили существование некоторых закономерностей в оценивании «агрессора» детьми, выбравшими «своего» или «чужого»:

13. Для детей, выбравших «чужого» («жертву») характерны более негативные оценки «агрессора». Причем, если среди оценок младших детей есть и положительные оценки, то оценки старших детей (7-9 лет) сконцентрированы исключительно на отрицательном полюсе.

14. Для детей, выбравших «своего» («агрессора») характерна следующая тенденция: младшие участники исследования оценивают «агрессора» и положительно, и отрицательно, однако старшие больше тяготеют к отрицательным (в группе 7-9 лет) и средним оценкам (в группе 10-11 лет).

Возможно, эти данные свидетельствуют о том, что с возрастом ребенок начинает осознавать, с одной стороны, необходимость оправдать свой выбор (поставить более высокую оценку «агрессору»), с другой - понимать, что герой поступил действительно плохо (поэтому надо оценить его поступок не максимально высоко).

В результате сопоставления изменений ответов были обнаружены различия между группой 7-9 лет и всеми остальными группами. В целом, данная группа чаще изменяла свой ответ, когда экспериментатор просил объяснить свой выбор. Кроме того, полученные результаты согласуются с данными Fehr et.al. (2008), утверждающими, что в период с 3 до 8 лет дети в большей мере думают и учитывают мнение других людей о себе, а также наиболее восприимчивы к оценкам их поступков со стороны окружающих. Также именно в возрасте 7-9 лет у детей начинается стадия сотрудничества по Пиаже (2006), дети формируют нравственный релятивизм. Возможно, что наши данные свидетельствуют о том, что именно в этом возрасте происходит наиболее активное переструктурирование индивидуального опыта. Ребенок начинает обращать больше внимания на моральные оценки его поступка со стороны общества, формирует собственные нравственные позиции.

Таким образом, в ходе представленного выше исследования было показано более позднее формирование справедливости по отношению к «чужому». Эти результаты являются эмпирическими фактами, согласующимися с представлением У. Эко (2005) об особой важности периода детства в формировании толерантности по отношению к «чужим». Данная работа свидетельствует в пользу необходимости обратить особое внимание на разработку методов воспитания нравственности и толерантного отношения к «чужому» именно в раннем детстве.

Литература

1. Александров Ю.И. Эмоция и мораль // Методология и история психологии. 2008. Том 3. Выпуск 3. С. 186-203.
2. Александров Ю.И., Знаков В.В., Арутюнова К.Р. Мораль и нравственность. Обоснование эмпирического исследования разных групп современного российского сообщества // Психология нравственности / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Издательство «Институт психологии РАН». 2010. С. 339-357.
3. Знаков В.В. Образ врага как психологическое основание понимания мусульманских террористов россиянами / Вопросы психологии. 2012. № 2. С. 23-34.
4. Знаменская И.И. Моральные дилеммы типа «свой-чужой»: обоснование выбора младшими школьниками // Психологические исследования. Труды молодых ученых ИП РАН. Вып. 6. / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт Психологии РАН». 2012.
5. Пиаже Ж. Моральное суждение у ребенка // М.: Изд-во «Академический проект». 2006. – 480 С.
6. Сергиенко Е.А., Лебедева Е.И., Прусакова О.А. Модель психического в онтогенезе человека // М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 415.
7. Созинова И.М. Решение моральной дилеммы «свой-чужой» детьми 5-11 лет // Психология — наука будущего: Материалы IV Международной конференции молодых ученых, 17-18 ноября 2011 г. / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2011. С. 444 - 447.
8. Эко У. Пять эссе на темы этики. СПб.: Симпозиум, 2005.
9. Fehr E., Bernhar H., Rockenbach B. Egalitarianism in young children // Nature. 2008. V. 454. P. 1079 - 1084.
10. Kawakami K., Dunn E., Karmali F., Dovidio J.F. Mispredicting affective and behavioral responses to racism // Science. 2009. V. 323. P.276 - 278.
11. Olsson A., Ebert J.P., Banaji M.R., Phelps E.A. The role of social groups in the persistence of learned fear // Science. 2005. V. 309. P. 785 - 787.
12. Phelps E. A., O'Connor K. J., Cunningham W. A., Funayama E. S., Gatenby J. C., Gore J. C., Banaji M. Performance on indirect measures of race evaluation predicts amygdala activation // Journal of Cognitive Neuroscience. 2000. V. 12. P. 729 - 738.
13. Smetana J.G., Schlagman N., Adams P.W. Preschool children's judgments about hypothetical and actual transgressions // Child development. 1993. V. 64. № 1. P. 202 - 214.
14. Smith E.R., Mackie D.M. Surprising emotions // Science. 2009. V. 323. № 5911. P. 215 - 216.